

[\(Начало в 16 от 17 июня 2020\)](#)

(Часть вторая)

Проигнорированные Генеральным штабом РККА результаты январских учений 1941 года привели к самой страшной трагедии первых дней войны. Как уже догадывается читатель, она произошла в Белостокском выступе – территории современной Польши. Но перед войной он принадлежал Советскому Союзу. В нем располагались две армии Западного особого военного округа (с 22 июня – Западного фронта) – 3-я и 10-я. Можно понять стремление командования РККА держать на флангах немецких группировок мощные ударные кулаки, но легко также было предположить, что вермахт с началом боевых действий постарается закупорить Белостокский выступ. Его с остальной частью страны связывала всего одна шоссейная дорога Белосток – Слоним.

В эпическом советском фильме «Битва за Москву» фантазия режиссера и сценариста сводит в показательном диалоге пока еще начальника Генерального штаба РККА Георгия Жукова и уже отстраненного от командования Западным фронтом Дмитрия Павлова. Одному предстоит стать маршалом Победы, второго по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР от 22 июля 1941 года расстреляют.

В кинематографическом диалоге Жуков упрекает Павлова за то, что тот не вывел 3-ю и 10-ю армии из Белостокского выступа. Полный абсурд. Решение о передислокации объединений мог принять только Генеральный штаб, иными словами, Георгий Жуков по согласованию с наркомом обороны и главой государства. Генштаб этого не сделал.

В ходе реального, а не киношного судебного разбирательства Дмитрию Павлову не ставили в вину нахождение в Белостокском выступе двух армий, но весьма настойчиво интересовались, почему он не распорядился вывести из Бреста в полевые укрепления дивизии 4-й армии. Бывший командующий округом вначале отвечал, что он отдал такое распоряжение командарму Александру Коробкову. Когда тот отказался подтвердить получение такого приказа, Дмитрий Павлов изменил показания:

«В июне месяце по моему приказу был направлен командир 28 стрелкового корпуса Попов с заданием к 15 июня все войска эвакуировать из Бреста в лагерь». Очевидно, что Павлов лгал. Невозможно представить, чтобы в мирное время приказ о выводе войск в полевые укрепления отдавался устно, через подвернувшуюся оказию. Брестские дивизии остались на месте. Их уничтожили в первые дни.

Та же участь постигла и белостокские армии.

22 июня гитлеровцы нанесли сходящиеся удары: силами 9-й полевой армии и 3-й танковой группы в направлении Гродно – на севере, и соединениями 4-й армии и 2-й танковой группы по району Бреста – на юге.

1 июля гитлеровцы, соединившись юго-западнее белорусского городка Волковыск, окружили наши войска. Несколько ранее, 25 июня, находившиеся в Белостокском выступе 3-я и 10-я советские армии получили разрешение отступать. Дивизии и корпуса объединений, имевшие до сего момента незначительные столкновения с гитлеровцами, оставив УРы и места постоянной дислокации с громадными запасами материальных средств, боеприпасов, продовольствия и вооружения начали отходить на восток, создав громадные заторы на единственной магистрали, ведущей к спасению. Шоссе Белосток – Слоним стало дорогой смерти. Двигающиеся с черепашьей скоростью плотные походные колонны советских дивизий безнаказанно уничтожали немецкие артиллерия и авиация. Они, кроме смерти, сеяли и панику.

Вначале наши бойцы и командиры бросали тяжелую технику и вооружение, затем – стрелковое оружие, потом началась массовая сдача в плен. Не всех, но многих.

Огромный урон противнику 3-я и 10-я армии могли бы причинить, оставаясь на месте. Они располагали боевым потенциалом и материальными ресурсами, достаточными для активной обороны по крайней мере в течение нескольких недель. Но еще более значительный удар по войскам гитлеровцев и их планам наши армии могли нанести, начав наступление на территорию занятой фашистами Польши в соответствии с директивой № 3, поступившей в войска 22 июня.

Она предписывала Юго-Западному и Западному фронтам концентрированными ударами

механизированных корпусов овладеть, соответственно, городами Люблин и Сувалки. В нашей исторической литературе директиву № 3 не критиковал только ленивый.

Дескать, о каком наступлении на территорию противника можно вести речь, если немцы вонзили свои танковые клинья далеко в нашу территорию? Следовало думать об обороне, а не о наступлении. Но сегодня, когда над гражданскими и военными исследователями перестали довлеть сталинско-хрущевские парадигмы истории Великой Отечественной войны, все чаще говорят о том, что только концентрированные удары механизированных корпусов в направлении на Люблин и Сувалки могли изменить сценарий первых дней и недель гитлеровского вторжения.

От передовых дивизий 3-й армии советского Западного фронта Сувалки отделяли около 20 километров. Эта малоприметная в любое другое время тупиковая железнодорожная станция являлась главным звеном снабжения танковой группы Германа Гота. Захватив ее, Красная Армия делала невозможным продвижение вглубь нашей территории танковых клиньев 3-й ТГ, нацелившихся на Минск. Захват Сувалок и дальнейшее продвижение вглубь территории Польши еще 23 и 24 июня был вполне по силам советским армиям, находившимся в Белостокском выступе.

На западе, на участке фронта шириной в 150 километров, им противостояли 10 немецких пехотных дивизий. В составе 3-й и 10-й армий находились 11 стрелковых, 6 танковых, 3 моторизованных, 2 кавалерийские и одна авиационная дивизии. К перечисленному добавьте части и соединения корпусного и армейского подчинений и получите весьма внушительную силу. Оставить против нее вытянутые в нитку пехотные дивизии гитлеровцы, не имевшие к началу вторжения в СССР вблизи театра военных действий крупных подвижных резервов, могли рискнуть, только наперед зная, что 3-я и 10-я армии не начнут наступление на запад.

Конечно, советские стрелковые дивизии уступали немецким пехотным дивизиям количественно, а самое главное – качественно. Но и СД Красной Армии, по штатам 1941 года имевшие в своем составе два артиллерийских полка, были серьезным соперником. В Белостокском выступе также находились три механизированных корпуса. Два из них – 11-й и 13-й таковыми назывались номинально. Они располагали, без учета артиллерийских и пулеметных бронемашин, 255 и 282 разнотипными танками, соответственно.

Но в состав 10-й армии входил один из сильнейших в РККА 6-й механизированный корпус генерал-майора М. Г. Хацкилевича. В нем насчитывался 1021 танк, в том числе около 450 KB-1, KB-2 и Т-34. 6-й механизированный корпус концентрированным ударом и в теории, и на практике мог прорвать оборону любой немецкой пехотной дивизии. Поддержанный другими соединениями двух армий, общее руководство которыми принял находящийся в Белостокском выступе заместитель командующего Западным фронтом генерал-лейтенант Иван Болдин, МК мог, сокрушая немецкие тылы, выйти на стратегический простор на пути к Варшаве, где находился штаб группы армий «Центр».

В конечном итоге гипотетический удар 3-й и 10-й армий имел предсказуемый финал. Соединения, лишенные воздушной поддержки и связи с основными силами фронта, были обречены. Впрочем, они погибли и так, оставив гитлеровцам огромные трофеи от продовольствия и снаряжения до артиллерии, автомобильной и бронетанковой техники. Но группы Болдина в западном направлении коренным образом мог поменять картину первых недель войны. Во всяком случае Минск немцы 28 июня захватить уже бы не смогли. И план блицкрига рухнул бы не под Смоленском и Москвой, а еще в Белоруссии.

В 1941–1942 годах немцы неоднократно поступали так, как могли действовать армии Белостокского выступа. Они начинали активные действия на флангах советских наступающих группировок и окружали их. Так произошло в мае 1942 года под Харьковом и спустя три месяца на Дону...

История не знает сослагательного наклонения. Соединению генерала Хацкилевича, как и остальным нашим механизированным, стрелковым и кавалерийским корпусам, не суждено было наступать на запад. 6-й МК развернули на восток, ставили противоречивые приказы, в бой вводили по частям. В результате корпус, не используя и десятой части боевого потенциала, погиб вместе со своим героическим командиром. Та же участь постигла и другие соединения 3-й и 10-й армий. Они, как ни прискорбно это осознавать, оказались уничтоженными, не причинив врагу урона, который могли нанести.

Большинство исторических исследований рассматривают попытку поспешного отступления двух советских армий из Белостокского выступа как единственно возможный исход. В мемуарах многих советских полководцев, которые в массовом порядке стали появляться с середины 60-х годов прошлого века, о трагедии Западного фронта часто говорится как о факте предрешенном. Дескать, немцы нанесли сокрушительные удары, и мы ничего поделать не могли.

Вопрос заключается в том, когда безнадежный расклад приграничных сражений стал очевиден. С началом вторжения, массированный характер и направления главных ударов которого решительно перечеркнули все прогнозные оценки Генерального штаба РККА? После того как гитлеровцы на седьмой день войны захватили Минск? Или еще раньше, до начала боевых действий?

Мне кажется, что ближе всего к истине третий ответ. Скорее всего, высшее военное и политическое руководство страны отчетливо понимало, что Красная Армия, находившаяся на начальном этапе перевооружения и реорганизации, к лету 1941 года оказалась катастрофически не готова к войне, поэтому СССР и стремился оттянуть хотя бы на год вооруженное столкновение с Германией, в неизбежности которого обе стороны не сомневались. В пользу такого вывода говорит и тот факт, что Сталин уже днем 22 июня отказался от мобилизационного плана Георгия Жукова, который предусматривал, как упоминалось выше, развертывание по штатам военного времени только существующие дивизии без увеличения количества соединений.

В представленный начальником Генерального штаба РККА проект указа Президиума Верховного Совета о мобилизации СССР глава государства внес всего две поправки, которые, между тем, кардинально поменяли суть документа и в значительной степени предопределили нашу будущую Победу. Корректурой Сталина расширяла контингент военнообязанных, подлежащих призыву. Указ обязывал явиться в военкоматы 14 военных округов граждан, родившихся с 1905-го по 1918-й годы.

Иными словами, Советский Союз приступал к созданию десятков новых соединений. Сталин, понимая, что армии, вступившие в бой с фашистами, обречены, принял решение о формировании новых дивизий. Перманентно формируемые стратегические резервы позволят Ставке закрывать возникавшие на фронте бреши. Немцы, которые после очередного окружения наших войск надеялись на дальнейшее беспрепятственное продвижение, вдруг сталкивались со стеной свежих советских дивизий. Так было после под Москвой, на Дону, во многих других местах... Стратегические резервы Ставки позволили Красной Армии без длительной оперативной паузы после Курской битвы в августе–сентябре 1943 года захватить плацдармы на правом берегу Днепра, не дав немцам закрепиться на водной преграде и стабилизировать фронт на долгие-долгие месяцы.

Есть мнение, что на решение Сталина повлияла концепция перманентной мобилизации,

сформулированная маршалом Борисом Шапошниковым, который сменит на посту начальника Генерального штаба РККА Жукова.

Георгий Константинович историю со своим удалением из ГШ 30 июля 1941 года подробно описывает в мемуарах, получивших название «Воспоминания и размышления». По версии полководца, причиной недовольства верховного стала негативная реакция Сталина на предложение Жукова оставить Киев из-за угрозы окружения оборонявших его войск немцами. Разговор происходил без свидетелей. Подтвердить или опровергнуть слова Георгия Константиновича некому. Только дело в том, что к концу июля ничего не предвещало окружения киевской группировки советских войск. Оно произойдет почти через 40 дней после увольнения Жукова с поста начальника Генерального штаба.

А в конце июля Гудериан и Клест, танки которых замкнул киевский котел, действовали в сотнях километров, соответственно, к северу и югу от столицы советской Украины. Юго-Западный фронт еще не образовывал выдвинутый на запад выступ, который и создал удобную для окружения конфигурацию. За предложение оставить Киев в сентябре 1941 Ставка снимет с поста главнокомандующего Юго-Западным направлением маршала Семена Буденного. И этому факту есть документальное подтверждение. Маршал направил в Москву телеграмму об угрозе окружения, а не ограничился разговором с верховным наедине.

Вообще при чтении мемуаров наших полководцев небезынтересно сравнивать описание ими тех или иных событий. Скажем, то, как Георгий Жуков и Константин Рокоссовский рассказывают о Московской и Курской битвах. Выводы предлагаю читателю делать самому. Мне более аргументированными представляются версии Константина Рокоссовского. Уж очень часто Георгий Константинович любит рассказывать о том, свидетелем чему он не являлся, и умалчивать о тех событиях, одним из главных лиц которых он был, но «воспоминания и размышления» о которых не доставляют маршалу удовольствия.

Не могу сказать, что наши блистательные полководцы в мемуарах не делали попыток назвать причины наших катастрофических неудач. Некоторые говорили о них весьма подробно, но далеко не все из того, о чем могли сказать. И тут следует помнить о времени написания мемуаров. Господствующая доктрина не оставляла выбора. Либо ты говоришь о мужестве, героизме и самопожертвовании советских бойцов и командиров, либо молчишь. Константин Рокоссовский в мирные годы, как и в военные посмел «свое суждение иметь» в самой скромной по объему среди маршальских воспоминаний книге

«Солдатский долг». В публикуемый ниже отрывок вошли купюры, исключенные цензурой из советских изданий мемуаров:

«Остаток ночи я провел в штабе фронта (*Юго-Западного. – В. С.*), а утром представился командующему фронтом генерал-полковнику М. П. Кирпоносу. Меня крайне удивила его резко бросающаяся в глаза растерянность. Заметив, видимо, мое удивление, он пытался напустить на себя спокойствие, но это ему не удалось...

Несколько раз по телефону отдавал распоряжения штабу о передаче приказаний кому-то о решительных контрударах. Но все это звучало неуверенно, суетливо, необстоятельно. Приказывая бросать в бой то одну, то две дивизии, командующий даже не интересовался, могут ли названные соединения контратаковать, не объяснял конкретной цели их использования. Создавалось впечатление, что он или не знает обстановки, или не хочет ее знать. В эти минуты я окончательно пришел к выводу, что не по плечу этому человеку столь объемные, сложные и ответственные обязанности, и горе войскам, ему вверенным...

Зная командующего Западным фронтом генерала Д. Г. Павлова еще задолго до начала войны (в 1930 г. он был командиром полка в дивизии, которой я командовал), мог заранее сделать вывод, что он пара Кирпоносу, если даже не слабее его. В дороге невольно стал думать о том, что же произошло, что мы потерпели такое тяжелое поражение в начальный период войны.

Конечно, можно было предположить, что противник, упредивший нас в сосредоточении и развертывании у границ своих главных сил, потеснит на какое-то расстояние наши войска прикрытия. Но где-то в глубине, по реальным расчетам Генерального штаба, должны успеть развернуться наши главные силы. Им надлежало организованно встретить врага и нанести ему контрудар...

Какой же план разработал и представил правительству наш Генеральный штаб? Да и имелся ли он вообще?.. Мне остро захотелось узнать, где намечался рубеж развертывания. Предположим, что раньше он совпадал с рубежом наших УРов, отнесенных на соответствующее расстояние от старой границы.

Это было реально. Но мог ли этот рубеж сохранить свое назначение и в 1941 году? Да, мог, поскольку соседом стала фашистская Германия. Она уже вела захватническую войну, имея полностью отмобилизованными свои вооруженные силы. Кроме того, необходимость заставляла учитывать такой важный фактор, как оснащение вооруженных сил новой техникой и вообще новыми средствами, чего не было в прежних армиях. Ведь он обусловил и новый характер ведения войны. К примеру, значительно увеличилась подвижность, а стало быть, и маневренность войск на театре военных действий. Не прибегая к мобилизации, мы обязаны были сохранять и усиливать, а не разрушать наши УРы по старой границе.

Неуместной, думаю, явилась затея строительства новых УРов на самой границе на глазах у немцев. Кроме того, что допускалось грубейшее нарушение существующих по этому вопросу инструкций, сама по себе общая обстановка к весне 1941 года подсказывала, что мы не успеем построить эти укрепления. Долгом Генерального штаба было доказать такую очевидность правительству и отстоять свои предложения...

Ну, допустим, Генеральный штаб не успел составить реальный план на начальный период войны в случае нападения фашистской Германии. Чем же тогда объяснить такую преступную беспечность, допущенную командованием округа (округами пограничными)? Из тех наблюдений, которые я вынес за период службы в КОВО (**Киевский особый военный округ. – В. С.**

) и которые подтвердились в первые дни войны, уже тогда пришел к выводу, что ничего не было сделано местным командованием в пределах его прав и возможностей, чтобы достойно встретить врага...

На период угрожающего положения, войска выводились в предусмотренные заблаговременно районы. Все эти вопросы тщательно отрабатывались на военных играх и в полевых поездках в окружном масштабе высшим командным составом. Примерно такая же подготовка велась с командирами в корпусах и дивизиях... Велась, но только не в КОВО. Потому-то войска этого округа с первого же дня войны оказались совершенно не подготовленными к встрече врага.

Их дислокация у нашей границы не соответствовала угрозе возможного нападения. Многие ее соединения не имели положенного комплекта боеприпасов и артиллерии, последнюю вывезли на полигоны, расположенные у самой границы, да там и оставили. То, что произошло 22 июня, не предусматривалось никакими планами, поэтому войска были захвачены врасплох в полном смысле этого слова...

Даже тогда, когда совершенно ясно были установлены направления главных ударов, наносимых германскими войсками, а также их группировка и силы, командование округа оказалось неспособным взять на себя ответственность и принять кардинальное решение для спасения положения, сохранить от полного разгрома большую часть войск, оттянув их в старый укрепленный район...

Я уже упоминал выше о тех распоряжениях, которые отдавались командующим фронтом М. П. Кирпоносом в моем присутствии и которые сводились к тому, что под удары организованно наступающих крупных сил врага подбрасывались по одной-две дивизии.

К чему это приводило? Ответ может быть один – к истреблению наших сил по частям, что было на руку только противнику. Вспоминая в дороге все, что мне пришлось видеть, ощущать и узнать в первые недели войны, я никак не мог разобраться, что же происходит. Ведь элементарные правила тактики, оперативного искусства, не касаясь уже стратегии, гласят о том, что, проиграв сражение или битву, войска должны стремиться к тому, чтобы, прикрываясь частью сил, оторваться основными силами от противника, не допустив их полного разгрома. Затем с подходом из глубины свежих соединений и частей организовать надежную оборону и в последующем нанести поражение врагу...»

Как и Константин Рокоссовский с глубокой болью пишут о первоначальном этапе войны Александр Василевский, Иван Баграмян... Эту тему удалось обойти Ивану Коневу, пожалуй, самому неоднозначному по нравственным качествам советскому маршалу. Он свои мемуары начал с 1943 года. Очень любил маршал в 50–60-е годы прошлого века сокрушаться о том, «сколько народа напрасно загубили». Эта скорбь могла показаться искренней, если забыть, что на счету Ивана Конева как командующего фронтом, не сумевшего определить направление главного удара немцев, Вяземский котел. В нем погибли и попали в плен сотни тысяч советских бойцов и командиров. Бездарные операции, проведенные Коневым уже в следующем военном году – 1942-м, заставили Ставку в очередной раз отстранить его от командования Западным фронтом.

Затем Иван Степанович воевать научился. О его стиле командования фронтом, как, мне кажется, не без иронии пишет Александр Василевский: «Обычно как только примет решение на проведение операции, тотчас же отправляется в армии, корпуса и дивизии и там, используя свой богатейший опыт, готовит войска к боевым действиям. Все остальные дела по плану операции выполнял у него, как правило, его штаб».

Среди причин поражений Красной Армии в первые два года войны часто называют кадровые чистки, развернувшиеся в РККА в 1937–1939 годах. В числе талантливых полководцев, которых наша страна потеряла, в первую очередь упоминают Михаила Тухачевского. Вполне возможно. Только доказательств того, что Тухачевский имел потенциал одаренного полководца, а не военного администратора, никто привести не может. То, что мы знаем об одном из первых советских маршалов, скорее, свидетельствует в пользу обратного. Всем, кому интересна тема полководческих дарований Михаила Тухачевского, рекомендую обратиться к серьезной литературе о Польском походе Красной Армии 1920 года.

Впрочем, нет никаких сомнений в том, что накануне войны РККА испытывала серьезный дефицит в командных кадрах. Репрессии в формирование некомплекта внесли свою лепту, хотя далеко и не столь значительную, как можно прочесть у некоторых очевидно ангажированных авторов. Есть точные цифры, позволяющие оценить масштабы репрессий в Красной Армии. Оценки последствий кадровых чисток и в те годы, и в наше время отличаются предельной полярностью. Есть среди суждений и неожиданные. Например, известный немецкий диверсант Отто Скорцени, успевший вовремя убраться из-под Москвы, полагал, что массовые аресты в РККА укрепили Вооруженные силы Советского Союза. В книге воспоминаний «Неизвестная война» он писал:

«Гигантская чистка среди военных в 1937 году, проведенная после таких же массовых расстрелов среди политиков, ввела в заблуждение... Однако Красная Армия, вопреки всеобщему мнению была не ослаблена, а укреплена... Посты репрессированных командиров армий, корпусов, дивизий, бригад, полков и батальонов заняли молодые офицеры – идейные коммунисты... После тотальной, ужасной чистки 1937 года появилась новая армия, способная перенести самые жестокие сражения. Русские генералы выполняли приказы, а не занимались заговорами и предательством, как это случалось у нас на самых высоких постах».

Заявление Отто Скорцени достаточно спорное. Его появление вполне можно объяснить конъюнктурными соображениями в попытках объяснить поражение Германии после столь успешного для III рейха начала в 1941 году. Вместе с тем нельзя кое в чем не согласиться со словами немецкого диверсанта. Скорцени отмечает значительное омоложение командного состава Красной Армии. Но причина этому не только в кадровых чистках, а в большей степени – в значительном предвоенном росте советских вооруженных сил: с полутора миллионов человек в 1937 году, до 5,08 миллиона к июню 1941 года.

Очевидно, что репрессии отразились на качественном и количественном составе командных кадров РККА. Приходится признать, что часто репрессии настигали самых лучших, самых талантливых. Достаточно вновь будет вспомнить Константина Рокоссовского, генерала Александра Горбатова и многих других, кто оказался в лагерях, а потом, к счастью, восстановлены в должностях и званиях.

Если судить по итогам первого этапа Великой Отечественной войны, то окажется, что «вычистили» далеко не тех. Иначе откуда взялись бы господа Власов со товарищи. Я отношусь к числу исследователей, считающих, что озвучиваемые сегодня причины, ошибки, тактическая и стратегическая неграмотность советского командования, необученность личного состава не объясняют трагического поражения Красной Армии летом 1941 года. Кроме растерянности, неумения, трусости было и откровенное предательство. О таких фактах упоминается едва ли не у каждого из корреспондентов Военно-исторического отдела, чьи воспоминания вошли в двухтомник «Пишу исключительно по памяти...».

Рассказывают они и о восстаниях националистов в Латвии, Западной Украине. Характерны в этом отношении воспоминания начальника штаба 6-й армии КОВО генерала Николая Иванова, касающиеся событий во Львове 22 июня: «В городе стрельба «пятой колонны» усилилась. Передвижение по улицам стало возможным только в бронемашинах и танках. Поэтому из 4 мех. корпуса к штабу армии прикомандировали до роты танков. Военный совет имел танки КВ, штаб – БТ-7».

Начальник артиллерии 26-й армии генерал Николай Семенов дает оценку призывному контингенту из Украины:

«Все прибывающие вновь сформированные соединения, а в составе их и артиллерийские части, были совершенно небоеспособны (все прибывшие к нам в армию), это сильно сказывалось на успех (**так в оригинале. – В. С.**) не только отдельных боев, но и на моральный фактор всех войск. Такие дивизии, да еще сформированные на Украине и из украинцев, как правило, разбегались по домам...»

И в Бресте стреляли в спину нашим войскам, изуверски убивали семьи командиров РККА бывшие военнослужащие польской армии, решившие, что фашистский режим для них

предпочтительнее советского. О подобных фактах мы долгое время предпочитали умалчивать, давая повод тем, кто в эти трагические дни выступил на стороне гитлеровцев, объявить себя потом борцом с фашизмом.

Стоит вновь обратиться и к воспоминаниям Константина Рокоссовского: «Воспевая героическое поведение и подвиги войск, частей и отдельных лиц в боях с врагом, носившие массовый характер, нельзя обойти молчанием и имевшиеся случаи паники, позорного бегства, дезертирства с поля боя и в пути следования к фронту, членовредительства и даже самоубийств на почве боязни ответственности за свое поведение в бою...

Случаи малодушия и неустойчивости принимали различные формы. То, что они приобрели не единичный характер, беспокоило командный и политический состав, партийные и комсомольские организации, вынуждало принимать экстренные меры для предотвращения этих явлений...».

Отдельного исследования заслуживает анализ действий высшего командного состава Красной Армии в этот период, мотиваций его оперативных и стратегических решений. Та информация, которая есть в моем распоряжении, дает повод серьезно задуматься. Не удивлюсь, если окажется, что только спустя два-три военных месяца у некоторых из генералов исчезли иллюзии относительно планов Гитлера касательно Советского Союза. К ним пришло понимание, что речь идет не о ликвидации режима, а об уничтожении страны, без которой и у них нет будущего.

Зная с каким противником столкнулся Советский Союз в июне 1941 года, понимая объективные и субъективные причины наших катастрофических поражений, начинаешь с еще большим уважением и трепетом относиться к эпохальному подвигу того поколения советских людей, сумевших одолеть смертельного врага. Я уже упоминал, что вооруженные силы страны оказались не готовы к войне, но сумели подготовиться к ней государство, с момента образования которого не прошло и 24 лет, и его великий народ.

Владимир СЛАБУКА